

Автор:

Подногина Маргарита Аркадьевна

Руководитель:

Евдокимова Людмила Михайловна

*Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
средняя общеобразовательная школа № 74 г. Екатеринбурга*

СКАЗЫ О ВОЕННЫХ ГОДАХ

День Победы. Этот день отмечают все народы, отдают дань погибшим и живущим ветеранам. Вместе соединились и гордость, и радость и боль. События того времени - это уже история, к которой можно относиться по-разному, но вечно жива героика войны, и фронтовиков, и тыловиков. Вечная им слава, память и низкий искренний поклон.

Вспоминаю и я свое военное детство в тылу. Ярко запомнились отдельные эпизоды, хотя и была я тогда детсадовского возраста. Хорошо помню День Победы. Ликование народа. Все из домов выходили на улицу, обнимались даже с незнакомыми людьми, смеялись и плакали, устраивали застолье. Каждый нес из дома что мог: винегрет, сушеную рыбу, брагу, хлеб.

Много написано о боевых подвигах нашего народа, меньше о тыле. А в тылу люди героически ковали общую победу. Расскажу немного о своих родителях.

Мой папа – Подногин Аркадий Константинович – преподаватель кафедры петрографии Свердловского горного института им. В.В.Вахрушева – работал в тылу. Скромный, умный, добрый человек, «эталон порядочности» по мнению многочисленных учеников.

Вспоминаю «лежанку» нашу – самый теплый угол в квартире по адресу ул.Мамина-Сибиряка 183. Там то и вели мы беседы.

- Пап, ну расскажи сказку...

- Да я, доченька, сказок-то не знаю...

- Ну про то, как ты молодой был...

И начинались «папины сказы». Вот некоторые из них, касающиеся военных лет.

СКАЗ № 1

- Было это еще в начальной школе. Отвлекся я что-то на уроке, и наказали меня за это. А наказание – стоять на горохе, ох, как неприятно, да и дома узнают – попадет. А Сонька – тетка твоё, сестренка моя двойняковая, то ли испугалась, то ли так, только попросилась она в туалет, а ее не пустили. А она хитрая была: «Ну – думает – в другой раз отпустите», да и пустила струйку под парту. Вернувшись домой, я весь вечер загадочно повторял: «А я что-то знаю. А я что-то знаю». От меня отмахнулись «Да ничего ты не знаешь!». Вот тут-то я и выпалил: «Ну да, если я скажу, что Сонька описалась, она скажет, что я на горохе стоял!»

СКАЗ № 2

- А в реальном училище в г.Мензелинске увлекался я очень поэзией М.Ю.Лермонтова и втихомолку писал стихи. Как-то раз учитель словесности задал нам написать сочинение «Мой любимый поэт» и позволил это сделать без указания фамилии. Лучшее сочинение было прочитано перед всем классом, оно написано было в стихотворной форме, представлено как поэма о поэте, названо «На смерть поэта» и посвящено М.Ю.Лермонтову. Учитель не назвал автора сочинения, хотя и знал, наверное. Ученикам настолько сочинение понравилось, что они непременно захотели узнать, кто его написал. Все кричали: «Кто это написал? Чье это? Чье это?». А я кричал громче всех: «Чье это? Чье это?». Хотя сочинение это написал я. Не захотел выдавать свою тайну, что грешил стишками, стеснительный был очень.

СКАЗ № 3

- Люблю я лошадок очень. А одна, доченька, такая старая кляча, спасла меня. Я уже в институте учился, производственную практику проходил. Делал

обход горных выработок – это такие сооружения в земле, благодаря которым можно наблюдать, как залегают породы, есть ли в них рудоносные жилы. Вот подошел я к шурфу – это такая глубокая узкая вертикальная яма в породе. А вот чтобы она, эта яма, не засыпалась (порода – то бывает разная: и камень, и глина, и песок) ее обшивают досками. А чтобы попасть на дно этого шурфа, ставят у входа лебедку (барабан с накрученной веревкой). Один конец веревки привязан к бадье, куда садится человек, чтобы опуститься вниз, а другой к рычагу, который вращает человек, а иногда используют и лошадок для вращения барабана. Лошадке подают команду «Ходи!». Она идет, веревка раскручивается, бадья с человеком опускается до дна забоя. Вижу, стоит лошадка, а рабочего нет. Думаю: «Что я его ждать буду, лошадь умная, сработает и без него». Сел в бадью и скомандовал: «Ходи!», и бадья поехала вниз. Фонарь приготовил, полевую сумку стал открывать, ба.... – остановка, и не просто остановка, уперлась бадья во что-то и клониться стала на бок, вот-вот вытряхнет меня. А до забоя лететь, да лететь, и вверх по веревке не выберешься. И тут я заорал во всю мочь: «Ходи обратно!». Жду. Смотрю, выправляться стала бадья, и вот уже поползла вверх. А случилось, в общем-то, обычное дело: обшивочная доска оторвалась и встала посреди шурфа. В нее-то и уперлась бадья со мной. Могла бы плохо кончиться эта история, если бы лошадка мне не помогла.

СКАЗ № 4

- Везло мне всегда, дочка, на хороших людей. Учительствовал я после реального училища в школе, физику, математику и химию вел. Потом директором школы назначили. Уроки я не бросил, а в свободное время рисовал много, и играть на фортепиано сам научился. Вот как-то нагрянула к нам в школу комиссия во главе с министром образования Н.К.Крупской. Посмотрели, как я уроки веду, пообсуждали и ждать велели, чего, я и не догадывался. А через некоторое время на мое имя пришло направление на учебу в ВУЗ. Вот так я попал в Свердловск.

Трудное время тогда было, но интересное. Молодыми мы были, все ни о чем. Одни брюки (дырявые сверху и целые снизу) для свиданий на троих, вместо стипендии – мешок крупы или овса. В. Маяковский приезжал к нам, стихи свои орал, нам очень нравилось, да и мы старались от времени не отстать, тоже при случае стихи выдумывали. Два Аркаши у нас на курсе было: я – Аркаша беленький и Переляев Аркаша – черненький, и оба стишки складывали, соревновались между собой.

А какие у нас преподаватели были – гиганты! Я у Алексея Васильевича Шубникова на кафедре любимцем считался. Интересно и ответственно было работать с ним, многому он научил меня, что в последствии очень пригодилось. А студенты то всякие бывают, иной норovit и «подкусить» преподавателя, особенно молодого. Вот приходят ко мне как-то раз студенты, протягивают кристалл, красивый такой, прозрачный, и спрашивают: «Аркадий Константинович, не можем определить, что за минерал. Может, вы нам подскажите?» Смотрю, не природный образец-то, и говорю им: «Так это же кристалл сахара!». «Да – говорят, - мы его специально вырастили, чтобы вас проверить». Проверили.

И вот к нам на кафедру пришла твоя мама, совсем молоденькая, хоть и вдова. Ох, и хороша! И к работе прилежна. Научил я ее из картона разные формы кристаллов делать. Полюбил я ее, все ей романс пел «Скажите, девушки, подружке вашей». А Зинуленька (старшая приемная дочь) звала меня не иначе, как «папа Лекарство». Потом и ты появилась, решил я назвать тебя Маргаритой. Есть такой минерал «маргарит» – жемчужная слюдка. Меня давай отговаривать, что это Маргарита, да еще и Аркадьевна! Вон в арии Елецкого из оперы «Пиковая дама» П.И. Чайковского нет ни единого звука «эр», только «эль». А я бегом в ЗАГС и записал тебя, как хотел.

А в войну у нас Валера родился. Я только вернулся с полевых работ, матери и приспичило ночью. Бегаю я по квартире, башмак ищу, куда он

запропустился! Мать стонет: «Давай скорее, что ищешь то?» «Да башмак» - отвечаю. «Да он же у тебя в руке!».

И действительно, любил людей мой папочка, и мне это передал. Смолоду бывало на мои восторженные высказывания о ком-либо, качая головой и улыбаясь, говорил: «Ой, Ритка, все у тебя хорошие! Впрочем..., как и у меня». За эту любовь и понимание людей (редко ставил он неудовлетворительные оценки студентам) называли его соратники «либералом», часто ставили в вину, что «не растет научно». А он улыбался и говорил: «Я очень горжусь, что мои многие ученики стали знаменитыми учеными и практиками, в этом и моя заслуга».

СКАЗ № 5.

- Папа, а почему тебя не взяли на фронт?

- А у меня, доченька, бронь была. Это такое распоряжение правительства, согласно которому трудиться надо здесь в тылу. Меня с полпути на фронт прямо с эшелона сняли и вернули снова в Свердловск. Думает наша партия и о будущем России. Война закончится, кто будет искать полезные ископаемые, чтоб поднимать разрушенное? Вот я и оставлен, чтоб готовить молодых геологов, грамотных специалистов. Интересная наука, геология, и профессия у меня интересная. Благодаря своей работе я и Шерлоком Холмсом был, и преступником, и учителем, и ученым.

- Расскажи.

- Урал – опорная часть державы нашей. Сюда секретные заводы и службы во время войны эвакуированы были. Здесь и новые секретные объекты строили, в том числе и полигоны разные. Вот один раз и пригласили меня на такой объект, что-то там с приборами непорядок пошел, консультация специалистов понадобилась. А полигон-то в тайге находился, вдруг геологи рудную жилу какую обнаружат. Указали мне на карте место, куда должен прибыть, на станцию назначения обещали машину подать. Вот приехал я, машины нет. Ну, думаю, сам дойду – не впервой! Иду, пою потихонечку, места красивые, птицы

чирикают. Вдруг слышу окрик: «Стой!» Выходит солдат вооруженный и спрашивает: «Кто такой?». «Подногин я, доцент» - отвечаю. «Ах, так ты доцент! Иди и без разговоров!» Привел меня к начальству и докладывает: «Задержан опасный преступник по кличке «доцент»!

Разобрались, конечно. Помог я им. А мне за это сапоги подарили, да банку тушенки. Обрадовался я очень сапогам-то, до сих пор ношу, вот эти самые.

- Папа, а Шелоклом Холмсом?

СКАЗ № 6.

- Трудно все жили в войну. Кожурки от картошки ели, лепешки из отрубей на «глицеринчике». Хорошо, мама и госпиталья мне табачку иногда приносила. Угостят ее раненые, она делает вид, что курит, а сама цыгарочку мне несет. Закуришь – вроде и есть меньше хочется, и мозги лучше работают. Голод – страшно это. Голодали в тылу, но работали славно! Вот нам, уральцам, чтобы мы еще лучше работали, посылали иногда продукты из других областей страны. Вот пришел как-то поезд, стали разгружать вагон с продуктами, глядь, а продуктов-то в нем нет, забит вагон пустой породой (камнями) из отвалов месторождений. Опять к нам – в институт. Посмотрел я образцы тех пород, вспомнил с какого они месторождения, да и спрашиваю: «На такой-то станции стояли вагоны?» «Да, говорят, и долго». «Вот там и ищите похитителей». И нашли, а мне «спасибо» сказали.

СКАЗ № 7

- В войну у нас Уральский танковый корпус был сформирован из молодых ребят, в основном, добровольцев. Сделают танк на Уралмаш заводе и отсюда прямым ходом – на фронт. Да вот незадача: первые-то наши танки не выдерживали пуль немецкого оружия, броня на них пробиваемая была. А я тогда много разных работ по изучению пород и шлаков проводил. У меня даже прозвище было, «Уральским Белянкиным» меня называли (Белянкин – это очень известный ученый петрограф технического камня, т.е. продуктов

производства металлов). Вот ко мне и обратились, чтоб я посоветовал, как сделать, чтобы «броня крепка и танки наши быстры» стали. Изучил я танковую сталь и заключение дал - какой химический элемент добавить в сталь, а какой исключить. Получилось! Очень горжусь я, что тоже внес свою лепту в эту нашу Победу!

Оценило государство папин вклад и заслуги. После войны он был удостоен наивысшей награды – Ордена Ленина.

СКАЗ № 8

- Пап, а знаешь, что про тебя в институте анекдоты ходят? Хочешь, расскажу?

Вот принимаешь ты экзамен у производственников с курсов повышения квалификации, выбираешь самый простой образец, спрашиваешь: «Что это? Название, пожалуйста, породы». Сидящий перед тобой «амбал» рывкает: «Шкварец!» «Правильно, кварц! А это? Ну, ну.. Ди...Ди...Ди...» - подсказываю. Амбал: «Диабаз!» «Правильно – кричу – диорит!».

А еще, говорят, что благодаря тебе, излюбленным жаргоном студентов стало употребление терминов из кристаллографии: «Как дам сейчас по базопинакойду!» или «Ты что сегодня такой моноэдрический?».

В 1960 году папа заболел (инсульт) и не работал 3 месяца. Папа очень волновался, сможет ли он продолжать свою работу, читать лекции. Голос у него сел, и руки стали очень болеть, писать трудно стало.

Однако с января 1961 года снова приступил к работе. И говорят, что лекции его слушались просто удивительно, несмотря на изменившийся голос, все были как замороженные, и тишина стояла в аудитории необыкновенная.

Умел папа и словечко веселое вставить и пословицу к месту привести, и цитатку из популярной песни вернуть, если видел, что внимание студентов рассеивается. Надо было уметь владеть аудиторией, тем более, что читал он лекции по таким точным и очень трудным наукам как кристаллография, кристаллооптика, кристаллохимия. Он был профессионально

высокообразованным специалистом своего дела, наделенным свыше прекрасным характером, обаянием, умением понимать людей и сущность жизни. Поэтому папа был и остается одним из самых любимых и уважаемых преподавателей института, поэтому и помнят его живущие, поэтому и, время от времени, всплывает интерес к его личности.

Не могу не сказать несколько слов и о маме – Подногиной Людмиле Григорьевне. До войны она, втихомолку от папы, окончила курсы медсестер, и, согласно повестке, должна была уехать на фронт. Но учитывая возраст двух детей (7 и 4 года), была оставлена в тылу. Работала с 1941 по 1943 годы в военном госпитале медсестрой. Вспоминала она всегда это время со слезами. Она была молода, 30 лет ей было всего, очень красива и очень добра, любила петь, танцевать, смеяться, а главное, умела искренне сопереживать. За все это ее очень любили раненые бойцы, всегда ждали ее дежурства с нетерпением.

Мы, детсадовцы военного времени, тоже не оставались в стороне от событий – давали концерты в госпитале. А после общего выступления, мама меня водила по палатам, где находились тяжело раненые бойцы, которые не могла прийти в зал. Я танцевала перед ними, пела им их любимые песни. Однажды привела меня мама и к «сыночку» - молоденькому солдату, на вид совсем ребенку, израненному и высохшему, тяжело страдающему от боли. Засыпал он только у мамы на руках, под пение и баюканье. Так навечно и уснул у нее на руках. Очень тяжело она это приняла и вспоминала редко, всегда со слезами, но помнила до самой смерти. Ушла мама из госпиталя в декретный отпуск. Раненые провожали ее и с радостью, и с сожалением, оставляя ей на память все, чем располагали, как дети: рисунки, стихи, фотокарточки, автографы, просто добрые слова: «Кто же нас, Люсенька, так ласково и нежно перевяжет?».

Сестренка моя, Зина, в первый год войны пошла в 1-ый класс. Она была гораздо сознательней меня. Даже в годы войны, несмотря на занятость родителей и отсутствие распорядка дня, мы старались поддерживать

устоявшиеся семейные традиции: за стол садиться всей семьей. Вечером перед печкой «буржуйкой» каждый держал отчет о прошедшем дне. В выходные дни – музыкальные минутки: папа играл на балалайке и пианино, и пели частушки, популярные песни. Литературные часы: мама читала нам рассказы русских и зарубежных классиков. С детских лет помню новеллу О.Генри «Рождественские подарки». И мое детское удивление старшей сестрой (с годами все стало понятно), как это она умудряется наедаться таким маленьким кусочком хлеба. А она, видя, что мама себе вообще не выделяет положенную норму, съев половину просвечивающегося кусочка, говорила: «Мамочка, это тебе, я, честное слово, наелась, кушай». Я удивлялась, почему это мама не берет у нее хлеб, и смотрела жадными глазами. Но что-то удерживало меня просить «добавку хлеба».

А когда родился брат Валера в 1943 году, белый хлеб, размоченный в молочке, был только для него. Часто моей обязанностью было покормить его этой «тюрей». И если вдруг я, не удержавшись, поднесу ложечку к своему рту, он устраивал оглушительный ор. Зина непременно пеняла меня: «Опять ребенка объедаешь!». И мы все смеялись.

В тылу люди видели много горя. Была и радость, была жизнь. Трудная, нужная. Слов много. Но никогда не высказать словами того, что чувствовали матери, отцы и деды, не высказать и чувства восхищения ими и благодарности им.

Нынче, убирая могилку папы, вдруг совершенно неожиданно услышала о нем теплые слова. Старушка лет 80, проходя мимо, сказала своей спутнице: «А вот этому человек – Аркадию Константиновичу, я всегда низко кланяюсь». А потом поведала, что она – ученица отца. Но больше всего меня тронули ее слова: «Мы все были влюблены в него. Для нас Аркадий Константинович – эталон порядочности». Учитель.... И ни слова о его учености. А помнят, как о прекрасном человеке.

**Подногин
Аркадий
Константинович
1898 – 1961**

Доцент, заведующий кафедрой кристаллографии и петрографии Свердловского горного института им.В.В.Вахрушева, кандидат геолого-минералогических наук. Награжден за заслуги Орденом Ленина и орденом «Знак Почета».

Подногин Аркадий Константинович родился 9 сентября 1898 года в селе Голышурминский винокуренный завод Вятской губернии.

После окончания Реального училища в г.Мензелинск учительствовал в небольшой поселковой школе, преподавая физику, химию, математику. В 1922 году по решению Министра культуры и образования Советского Союза Н.К.Крупской с целью пополнения кадров для развития советской науки, был направлен в Уральский политехнический институт, где, параллельно с обучением, работал лаборантом, препаратором, младшим ассистентом на кафедре кристаллографии.

С 1930 года, после выделения из состава Политехнического института Свердловского горного института им.В.В.Вахрушева, стал работать доцентом кафедры кристаллографии.

В 1937 году за труд «Микроскопическое исследование породообразующих минералов по методу Е.С.Федорова» Подногину А.К. без защиты диссертации была присвоена ученая степень кандидата геолого-минералогических наук.

Проработал в горном институте более 30 лет. Наряду с преподавательской деятельностью проводил полевые геологические исследования на Среднем и Южном Урале, сотрудничал с научно-

исследовательскими и проектными институтами, писал научные труды, посвященные микроскопическим минералогическим исследованиям руд, породообразующих минералов, продуктов обогащения, доменных шлаков, огнеупоров и т.д.

Участник 17-ой Сессии международного геологического конгресса.

За труды и заслуги перед Родиной, в 1958 году награжден Орденом Ленина и орденом «Знак Почета».

В честь Аркадия Константиновича, геолог Чесноков Б.В. назвал открытый им минерал ортосиликат кальция «подногинит».

В настоящее время в музее Уральской горной академии Подногину Аркадию Константиновичу посвящен стенд, рассказывающий об основных вехах жизни и деятельности ученого.

Аркадий Константинович на полевых работах по разведке медно-колчеданного Дегтярского месторождения.

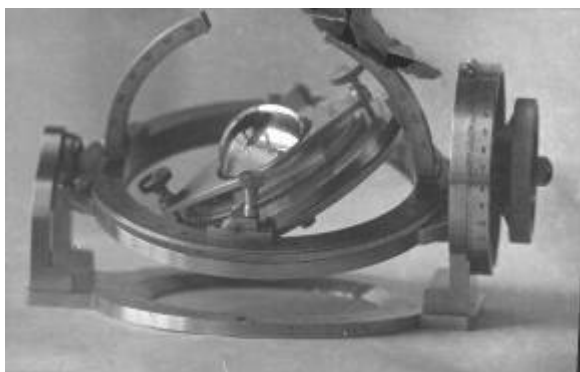

Подногин А.К. на разработке месторождений молибдена в районе Изумрудные копи, и необия Вишневогорского месторождения.

Академик Евграф Степанович Федоров, основатель универсально-оптического метода определения породообразующих минералов.

Универсальный столик Е.С. Федорова «Федоровский столик» для определения породообразующих минералов.

Подногин А.К. за работой по методу Е.С.Федорова с «Федоровским столиком».

Подногина Людмила Григорьевна, дочь Риточка (4 года), дочь Зина (7 лет) 22 июня 1941 года (начало войны. Фотографировал Аркадий Константинович)

Семья Подногих после войны 1952 год: мама Подногина Людмила Григорьевна, сын Валерий, сын Аркадий, дочь Маргарита, папа Аркадий Константинович, дочь Зинаида